Борис Пильняк, председатель Всероссийского Союза писателей, наш земляк

О, я к тебе иду,
Я о тебе как о своём сужу.
Анна Ахматова

С творчеством Бориса Пильняка я познакомилась в 1990-е годы, когда прочла только что вышедшую из печати его «Повесть непогашенной луны». Но тогда я ничего не знала о немецких корнях писателя, как не знала, что Пильняк – это его псевдоним, а не настоящая фамилия.

В начале нового XX века, ко мне, в то время директора филиала Саратовского областного государственного архива в городе Энгельсе, из Москвы пришло письмо от сына писателя Бориса Борисовича Андроникашвили-Пильняка с просьбой найти документы о его дедушке по отцовской линии – об Андрее Ивановиче Вогау. Он писал, что ветеринарный врач работал одно время в Народном комиссариате земледелия АССР НП в столице автономии городе Энгельсе. Безусловно, я не могла не откликнуться на такую просьбу.

Выявленные документы я описала в очерке «Андрей Иванович Вогау (отец писателя Бориса Пильняка – наш земляк)». Он опубликован в моих изданиях «Очерки истории культуры немецкой автономии на Волге» и во втором томе «Под Покровом Богородицы».

Наша переписка с Борисом Борисовичем прервалась только с его уходом из жизни. К этому времени я уже знала, что Борис Борисович историк, сценарист, что рождён был писателем в третьем браке. Его женой была Кира Георгиевна Андроникашвили из княжеского рода, актриса, режиссёр (1908-1960). Потому сын гордился своими родителями и носил обе фамилии.

Меня не остановила внезапная смерть Бориса Борисовича. Дальнейшие поиски архивных документов о А.И. Вогау я не прекратила. И нашла, что на совещании санитарной комиссии, проходившем в Совете Народных Комиссаров АССР НП 8 апреля 1926 года, А.И. Вогау не только присутствовал, но и выступил с докладом как ветеринарный врач от Народного комиссариата земледелия о санитарном состоянии Покровской микростанции.

К сожалению, эти сведения были весьма скудными, но мне удалось ещё и установить, что его деятельность в 1930-е годы была связана с Энгельсским мясокомбинатом, строительство которого началось в 1932 году, ход его постоянно курировал сам Анастас Микоян, в то время Народный комиссар мясной и молочной промышленности СССР.

О выселении семьи в 1941 году и дальнейшей судьбе они не запрашивали, так как всё знали сами не понаслышке.

Уже позднее, после обращения в архив сына писателя, перечитала в «Повести…» рассказ «Заштат», и мне многое стало понятно о жизни Андрея Ивановича Вогау, ветеринарного врача пироговской школы, который окончил Дерптский (Юрьев) ветеринарный институт. Родился он в доме своей бабушки в Саратове в 1867, детство провёл в Екатериненштадте (Марксштадт, ныне город Маркс Саратовской области) Николаевского уезда Самарской губернии в семье немецкого поселянина-собственника, занимавшегося торговлей.

В те же 1990-е годы, с которых я и начала свой рассказ, как и всегда ранее, любила слушать радио. Оно не мешало мне одновременно после работы заниматься домашними делами, в **отличие от телевизора. Все музыкальные**

передачи, «театр у микрофона» и многие другие были мною любимы буквально с детства. Ведь выросла я в деревне, только радио и книги воспитывали моё поколение. Так вот, в самом начале 90-х появилось у меня еще одно увлечение: я не могла пройти мимо «лондонских встреч», буквально «заболела» ими. Также бежала домой, чтобы не пропустить ни одну передачу, как ранее вся страна не могла оторваться от «17 мгновений весны».

И вот однажды я прослушала передачу, посвященную писателю Борису Пильняку, в свое время Председателю Всероссийского Союза писателей, уничтоженного репрессивной сталинской политикой в конце 1930-х годов.

Свои впечатления от услышанного о Борисе Пильняке, я кратко изложила в одном из своих блокнотов.

И только теперь, в условиях длительной изоляции из-за коронавируса, я обратилась к многочисленным своим архивным выпискам, и случайно обнаружила записи, о которых поведала вам.

Борис Пильняк родился в Можайске, где работал его отец, поволжский немец Андрей Иванович Вогау. В 1929 году он окончил Московский институт народного хозяйства. С 1924 года постоянно жил в Москве.

Председатель Всероссийского Союза писателей (1923-1929) часто ездил за границу. В одном из писем он писал: «Пора возвращаться в Россию, «пить чашу», в другом – отмечал: «Россия для меня важнее большевиков». Он не хотел, не мог покинуть свою страну, как это сделали многие интеллигенты старой российской школы, к примеру, как Евгений Замятин. Русский писатель, критик, публицист, киносценарист вынужден был покинуть страну в 1932 году, когда его перестали печатать. Обращение к И.В. Сталину в 1931 году не помогло, выехать сумел только в следующем году благодаря А.М. Горькому. Но в марте 1937 года в Париже он скончался.

Писатель тяготился своей должностью Председателя Союза писателей. Но он работал честно, как и в редакции «Круга», которую долго возглавлял. Старался не допускать никакого кумовства, ставил всех писателей на очередь. И вообще, как отмечали его современники, был строг, честен и человечен.

Приведу один только пример, как он просил за арестованного и находившегося в заключении до февраля 1923 года писателя Далмата Лутохина, которого, как он писал в одном из писем, «даже на свидания выносят на носилках». И в своём обращении к председателю Петросовета Г.Е. Зиновьеву он попросил похлопотать за больного человека, так любящего литературу. И добился своего. В 1923 году Лутохин был освобождён и выслан в Берлин. Именно в письме к Далматову уже в Берлин, писатель жаловался на свою работу в Союзе писателей: «Я всё кружусь, всё что-то делаю, устраиваю, организую – «анкетирую, культурнопросветительствую, командируюсь», – а как хочется сесть куда-нибудь в Краснококшайск, за рукописи, за бумагу, за мысли: есть у меня большущая тема для романа…»

Борис Пильняк не хотел себе судьбы изгнанника, но в то же самое время и понимал, что его ждёт в России. В 1928 году он писал: «Это всегдашняя Россия. Варварство рядом с Россией. На работу, в Трест, в снега убраться, в Сибирь». В 1930-е годы он уже готовился к худшему, убрал и уничтожил все свои письма. Его отношения с И.В. Сталиным были весьма напряжёнными. Современники считали, что вождь ненавидел писателя за «Повесть непогашенной луны», да оно и понятно, ведь это был отклик на смерть С.М. Кирова. Современники, зачастую, не понимали его, называли Бориса Пильняка стихийным авангардистом.

Мне показалось интересным узнать, как выглядел писатель, какое впечатление он производил на окружающих. Так, Стивен Грэм, тоже писатель,

связанный с Би-Би-Си, при первой встрече с российским литератором в Лондоне, написал: «Борис Пильняк был не просто хорош собой, он был поразительно общителен». Современники характеризовали его как высокого, рыжего человека, который на собеседника не смотрит, быстро и много разговаривает.

А вот как напишет о нём позднее в своих Дневниковых записях Корней Иванович Чуковский, который готовил биографический очерк о Борисе Пильняке: «Я с Пильняком познакомился ближе. Он кажется наглым и путаным, а на самом деле очень деловой и озабоченный. Лицо у него озабоченное – и он среди разговора, в трактире ли, в гостях ли – непременно удалится на секундочку поговорить по телефону, и переход от телефона к разговору не заметен. Не чувствуется никакой натуги. Он долго говорит теперь по телефону с Красиным (Леонид Борисович Красин, Нарком внешней торговли и одновременно полпред в Англии – *Е.Е.*), хочет уехать от Внешторга в Лондон. Очень забавная его фигура, длинное туловище, короткие ноги, голова назад, рыжие волосы и очки. Вечно в компании, и всегда куда-нибудь идёт предприимчиво, с какой-то надеждой».

О том, что Корней Иванович намеревался написать биографический очерк о Б. Пильняке, я узнала из письма писателя. Он, посылая 43 статьи о себе 7 марта 1923 года, предупредил Чуковского о возврате их (статей) его (первой) жене Марии Алексеевне Соколовой, враче Коломенской больницы, которая собирала все рецензии и другие материалы о муже. В этом браке у Пильняка родилась 21 декабря 1917 года по ст. стилю (3 января 1918 г.) дочь Наталья. Но в 1924 году супруги развелись.

И прежде чем дальше рассказывать о его жизни, заграничных турне, письмах, хочу отметить, что он не порывал связи со своими родными, приезжая в Саратов, Марксштадт (Маркс) и в Покровск, столицу Области, а затем и Республики немцев Поволжья. И дело было не только в том, что не было другой дороги в Марксштадт, летом можно было добраться водным путём, но в Покровске жили и работали люди, которых он лично знал и уважал безмерно.

Так, об одном из таких приездов газета «Трудовая правда» сообщала 4 июня 1927 года: «проездом в Покровске остановился писатель Б.Пильняк», где он пробыл, по сообщению той же газеты от 21 июня, «как минимум, до 18 июня».

Сам писатель, вспоминая о посещении Покровска, писал: «В музее постоянно работают профессор Дингес и доктор Рау, изредка собираются на заседания экономист Генрих Шлегель, кооператор Виктор Штромбергер, статистик Николай Либих, общественные деятели, иногда заходят члены немецкого правительства. Тогда ведутся очередные рабочие разговоры о менно-голландском скоте меннонитского Кеппентальского района, о холодильном деле, о хлебозаготовках, о многом очередном…». А уж как здорово, необыкновенно торжественно и трогательно он отозвался о первых создателях музея: «Доктор Рау и профессор Дингес – это два рыцаря своей родины…».

И мне удалось, изучив архивные источники, написать и опубликовать очерки о Г.Г. Дингесе и П.Д. Рау.

В статье «К истории статистических органов немецкой автономии на Волге и города Покровска» я уделила особое внимание и Н.Б. Либиху, как одному из создателей и первому руководителю Областного статистического бюро Области, а затем и Республики немцев Поволжья, в дальнейшем оно именовалось как Центральное статистическое управление АССР НП. Он и Андрей Шлегель (Генрих Шлегель), заместитель председателя Госплана АССР НП, работая в архивах С.-Петербурга и Самары, собрали обширный материал и издали два статистических сборника за 1916-1924 и 1917-1928 годы.

Даже из этого небольшого сообщения, мы можем судить, насколько близка была ему родина его предков, как писатель интересовался событиями, происходившими в то время в Поволжье.

А как тепло, с каким знанием их жизни, с любовью он пишет о Марксштадте: «Марксштадт… Без четверти семь утра бьют на кирхах и костёлах колокола, и все немцы в Марксштадте, как и во всех кантонах и колониях, сидят за кофе…». Он всегда ощущал себя сыном своего народа. 23 января 1923 года он так это выразил в письме к своим друзьям – писателям В.В. Иванову, К.А. Федину и Н.Н. Никитину по поводу своего ухода из издательства «Круг»: «Я ухожу. Я – немец, и решаю всегда один раз». И это несмотря на то, что немцем он был только по отцу. Его мамой была русская, православная, дочь саратовского купца Ольга Ивановна Савинова.

Сын постоянно вёл переписку с отцом Андреем Ивановичем, мамой Ольгой Ивановной, с родными и близкими ему людьми.

Но возвратимся к его лондонской поездке. Ему были интересны встречи с писателями, с нашими бывшими соотечественниками. Много работал с издательствами.

И именно здесь, в Лондоне он встретил в пин-клубе Надю Сперанзе, свою лондонскую любовь, с которой переписывался несколько лет. Сохранилось первое его письмо от 1923 года. В 1928 году он писал Наде с корабля: «Милая, милая». Ольга Сергеевна Щербинская, вторая жена писателя нашла Надино письмо, когда работала в МИДе Англии. Племянница же Нади нашла и другие письма тёти, а внучка Бориса Пильняка подготовила все его письма к изданию. Это двухтомное издание вышло в свет в 2010 году благодаря внучке писателя К.Б. Андроникашвили-Пильняк с её предисловием и примечаниями. И я счастлива, что приняла участие в подготовке этого издания.

Историю своей лондонской любви писатель отразил в рассказе «Сперанца» в 1925 году. А воспоминания о старой Англии, где всё устойчиво, как он писал, не взорвано – отразил в очерке «Старый сыр».

В период «железного занавеса» в советской России Борис Пильняк написал «Красное дерево». За публикацию за границей этой повести писатель и был отстранён от руководства Всероссийским Союзом писателей, от должности, которой, как уже было сказано ранее, он тяготился.

Тем временем, тучи над ним всё сгущались. Его встречи в Лондоне, как и отношения с Львом Троцким также не могли не отразиться на судьбе к этому времени уже опального литератора. Бориса Пильняка арестовали 26 октября 1937 года.

Среди предъявленных ему обвинений были – шпионаж в пользу Японии, контрреволюционная деятельность, организация заговора, терроризм, и как главное в этом перечне – конечно же – троцкизм.

28 апреля 1938 года Военная Коллегия осудила публициста и приговорила к высшей мере наказания – расстрелу, в тот же день приговор был приведён в исполнение на печально известном ныне полигоне «Коммунарка».

Не избежала ареста и его жена Кира Георгиевна Андроникашвили-Пильняк.

Реабилитированы были супруги только в 1956 году, когда дело писателя признали полностью сфабрикованным. Сколько ещё таких судеб нам предстоит открыть…

Е. М. Ерина